

Н. С. КОРОВИНА
(Сыктывкар)

КОМИ СКАЗКА И РУССКАЯ КНИЖНАЯ ТРАДИЦИЯ

Аннотация. Основная задача статьи — определение роли русской народной книги, в частности, лубочной, в формировании сюжетного состава коми сказки. На основе текстологического анализа коми сказок выявлены зависимые от книги тексты, определены характер и степень этой зависимости.

Ключевые слова: лубочная литература, лубочная сказка, коми народная сказка, текстология, устная традиция, книжная традиция.

Проблема взаимоотношения устной традиции и прочно фиксированных литературных памятников остается одной из актуальных проблем в современной фольклористике. «Формы участия литературы в фольклорном развитии достаточно многообразны и во всех случаях настолько важны, что их нельзя не учитывать, если мы не боимся оказаться в плену ложных представлений о фольклоре» [Костюхин 1994, 7].

Как известно, особенно сильное воздействие оказала литература на сказку, и не только на отдельные ее сюжеты, «сам сказочный фонд создавался при ее содействии» [Костюхин 1994, 6]. Значительная роль в формировании этого фонда принадлежит лубочной литературе, которая появилась в России во второй половине XVIII в. Как замечает В. Д. Кузьмина, «поздние списки старинных повестей приобретают в крестьянской среде фольклорный характер, а устные сказки нередко являются пе-

ресказом разнообразных литературных произведений — от легенд о чудесах, рыцарских романов до басен Крылова, повестей Пушкина и других писателей» [Кузьмина 1964, 167]. Являясь самой массовой и доступной (так, например, только сказка о Бове-королевиче с 1760-х гг. по 1918 г. вышла более чем в 200 изданиях [Кузьмина 1964, 107]), увлекающей читателя простотой формы и многообразием содержания, лубочная литература широко вошла в быт народа, расходилась миллионными тиражами по всей территории России.

Исследователи фольклора неоднократно обращали внимание на необходимость изучения книги для правильной оценки современной устной сказки, подчеркивая, что без лубочной сказки нельзя понять творчество современных сказочников (см.: [Андреев 1921]; Азадовский 1932; Кузьмина 1964; Пушкирев 1980; Зуева 1982; 1999; Корепова 1991; 1999] и др.). Вместе с тем проблема «Сказочник и лубочная книга» нуждается в дальнейшей разработке, в том числе на конкретном национальном материале. Для исследования указанной проблемы значительный интерес представляют коми народные сказки. Среди них имеется довольно большой пласт сказок, тесно связанных с русской книжной традицией, в основном лубочной литературой.

О распространении лубочной литературы в Коми есть свидетельства разного рода. Это и упоминания в этнографических изданиях. Так, автор очерка «Лесное царство» П. В. Засодимский, побывавший у коми в 1878 г., описывая зырянское жильё, замечает: «На стенах... в виде украшений висят картинки московских изделий, изображающие двенадцать праздников, страшный суд, смерть праведного и грешника, Гуака,

побеждающего огнедышащих драконов и т. п.» [Засодимский 1999, 124].

В комментариях к сборникам текстов, статья исследователи также неоднократно писали о влиянии лубочной литературы на коми сказку. К примеру, еще в 20-х гг. XX в. А. Н. Грен заметил, что записанная им сказка «О солдате, льве и Булате богатыре» «...носит на себе, несомненно, сильные следы русского влияния, но Булат напоминает собою германского Зигфрида...» [НАРК. Ф. 710. Оп. 1. Д. 10. Л. 36—37]. Между тем анализ текста дает основание увидеть в некоторых ее мотивах и эпизодах следы произведения В. Левшина «Повесть о богатыре Булате». По всей видимости, А. Н. Грен интуитивно уловил книжное влияние, недаром он назвал записанное им произведение «сказкой-романом» [НАРК. Ф. 710. Оп. 1. Д. 10. Л. 37]. О широком бытовании у коми сказок, где главными действующими являются герои русских народных книг, писал Ф. В. Плесовский [Плесовский 1958, 140]. Т. И. Орнатская, побывавшая в 1961 г. на Удоре, в своем отчете упоминает исполнителя Е. Г. Коровина, рассказывающего на коми языке сказки, подчерпнутые им из лубочных изданий [ОР ИРЛИ РАН. Р. V. Кол. 219. П. 1. Л. 7].

Влияние лубочной литературы было в основном, конечно, опосредованным, сюжет усваивался со слов другого сказителя, знавшего произведение из книги. Вместе с тем нельзя исключить и возможность непосредственного усвоения грамотными исполнителями сказок из лубочных изданий. Сохранившиеся документы убеждают, что уже в XVII в. большая часть коми населения была двуязычной, крестьяне достаточно хорошо знали русский язык, а, следовательно, могли пользоваться в полной мере книжными изданиями того времени [Мацук 1993, 137].

Книги поступали в Коми край разными путями. По сведениям историков, начиная с конца XIX в., Коми был для товарищества Сытина (одного из наиболее крупных издателей лубочной литературы) постоянным районом сбыта книжной продукции. Только в 1914 г. в книжный склад Усть-Сысольска поступило из книжного магазина этого товарищества более четырех тысяч экземп-

ляров книг [Рощевская, Ярошенко 1991, 82]. Вместе с тем Усть-Сысольский книжный склад не был единственным каналом поступления печатной продукции. Ее привозили и офени во время ярмарок, и возвращающиеся из отхожих промыслов крестьяне, и студенты и учащиеся, книгами наряду с другими товарами торговали купцы. Большая подвижность населения, массовое распространение отходничества, которое было узаконено в северных губерниях в пореформенный период, также способствовали, на наш взгляд, распространению лубочных изданий в Коми крае. Среди путей проникновения книги в быт неграмотных коми крестьян положительную роль сыграла и традиция чтения вслух. Ее отголоски сохранились и до настоящего времени. Слепому сказочнику И. И. Игушеву неоднократно читали вслух сказки из разных книг школьники, родственники.

Таким образом, влияние книги на устную коми сказочную традицию отмечено фактически на всей территории Республики Коми, но в самом общем виде. Текстологических исследований на уровне сюжетов и конкретных текстов пока довольно мало. В настоящее время в целях уточнения источниковедческой базы существует настоятельная потребность выявить в имеющемся коми сказочном фонде с помощью текстологического анализа круг сюжетов, вариантов, даже сюжетных ситуаций и отдельных деталей, восходящих к книге.

Все коми сказки, связанные с лубочной литературой, условно можно разделить на две группы. Первая группа — тексты, в основе которых лежат сюжеты переводных рыцарских повестей и романов. Вторую составляют народные сказки, опубликованные в переработанном виде в лубочных книжках и вновь «возвратившиеся» в фольклор — «Сивко-Бурко», «Жар-птица», «Царевна-лягушка» и др.

Сказки, в основе которых лежат сюжеты переводных рыцарских повестей и романов, были чрезвычайно популярны у коми. Об этом, в частности, свидетельствуют полевые записи 1946 г. известного коми писателя Г. А. Федорова [НА КНЦ Ф. 1. Оп. 11. Д. 93, 94].

Так, например, репертуар сказочника С. Н. Максарова (судя по записям Г. А. Федорова) состоял из таких сюжетов, как «Милорд», «Франциль», «Портупей-прапорщик», «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич». Сказки о Еруслане Лазаревиче знали также сказочники Н. М. Пунегов, К. А. Кучменев, о Гуаке и Милорде — В. С. Жилин, Д. Е. Сокерина. Остается только сожалеть о том, что ни одно из перечисленных выше произведений не было записано. Встречаясь с повествованиями подобного рода, фольклористы в большинстве случаев ограничивались только сообщениями, записи таких сказок немногочисленны. Видимо, собиратели коми фольклора считали их чужеродным явлением, не отражающим национальной специфики.

В настоящее время известны семь вариантов коми сказок о Портупее-прапорщике, столько же вариантов о Безручке, пять — о Бове-королевиче, три — о Еруслане Лазаревиче и один — об Английском Милорде.

Установление книжного источника является отправной точкой при анализе устных сказок подобного типа. Как известно, в процессе взаимодействия с устной традицией обычно исчезают элементы психологизма, многочисленные описания пейзажа, портретов, характерные для книжных произведений, поэтому определить конкретный источник коми сказок довольно трудно, но в то же время сохраняются эпизоды и авторские детали, не имеющие этнографических корней, не принадлежащие к общесказочной традиции. Порой только они позволяют определить источник (служат как бы «мечеными атомами»¹).

В сказке, записанной в 1980 г. автором работы в д. Муфтыга Удорского р-на от И. И. Игушева [АА], таким «меченым атомом» является эпизод боя Бовы-королевича с Полканом: Бова-королевич после неудачного удара мечом падает на землю, и добиться победы над противником ему помогает богатырский конь. По сведениям В. Д. Кузьминой, во всех более поздних лубочных сказках после первого неудачного удара мечом Бова

поражает Полкана копьём и побеждает его. Такое изображение боя, по мнению исследовательницы, вытесняет первоначальный рассказ о неудачном исходе боя [Кузьмина 1964, 77]. Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что коми сказка восходит к тексту Полной лубочной сказки, основой которого послужил текст сборника «Дедушкины прогулки» (по классификации В. Д. Кузьминой — IV тип лубочных обработок) [Дедушкины прогулки 1815]. В данном случае сказочник не мог прочесть сказку из книги, так как он в детстве после тяжелой болезни ослеп. По словам И. И. Игушева, сказку он узнал от другого, грамотного сказочника из д. Тойма Удорского р-на по имени Петыр Вань (Иван Петрович, фамилию, к сожалению, установить не удалось).

Второй вариант коми сказки о Бове записан Ф. В. Плесовским в 1969 г. в д. Конецбор Печорского р-на от Г. А. Ладанова [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 254—281]. Главного героя сказки зовут Гуаком Гуаковичем², но в целом передается сюжет сказки о Бове-королевиче. Ряд характерных деталей («меченых атомов») в данном варианте совпадают с фольклоризованной редакцией текста Полной лубочной сказки (VI тип лубочных обработок). Так, Гуак=Бова прельщает слуг царя иностранного государства не только своей красотой (как это было в тексте Полной лубочной сказки), но и умелой игрой на гуслях (в коми варианте на сигудке).

В варианте сказки, записанном Ф. В. Плесовским в 1957 г. в с. Ужга Койгородского р-на от Ф. Е. Попова [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 486—497], совпадение ряда характерных деталей (Бова, прежде чем стать слугой на корабле, попадает в руки разбойников; Милитриса, мать Бовы, жалея сына, не отравляет его, а лишь заключает в тюрьму по настоянию Додона; Дружневна подает Маркобруну сонное зелье в цветочке) позволяет отнести сказку к лубочным вариантам, в основу которых положена обработка сюжета М. Ф. Исаевым. В соответствии с по-

² Гуак — главный герой еще одной популярной лубочной книги, в основе которой лежит авантюрная рыцарская повесть «Гуак, или непреоборимая верность».

¹ Научная метафора предложена В. М. Гайцаком.

добными же позднейшими переделками лубочных изданий разработан и эпизод, где Бова на вопрос царя, какого он роду, отвечает: «Мой отец музыкант, а мать — прачка» (В сказке же И. И. Игушева, как и в Полной лубочной сказке, на такой же вопрос Бова отвечает, что его отец — пономарь, а мать — прачка).

Еще один вариант коми сказки записан известным финским ученым Т. Уотилой в 1942 г. от уроженца с. Нившера Корткеросского р-на И. М. Габова во время нахождения его в финском плену [Uotila 1995, № 6]³. В указанной сказке есть имя, которое позволяет определить, с каким конкретно источником из числа лубочных следует связывать коми текст. Буа=Бова, когда попадает в чужие края, называет себя Ангусеем. Это имя, как и имя Август, встречающееся в некоторых рукописных редакциях, следует считать реминисценцией итальянского текста (Angossoxo) и восходящих к нему русских списков⁴. Совпадение уникальной детали — имени Ангусей — показывает, что коми сказка о Буа восходит к одному из изданий старинной редакции лубочной сказки о Бове, так называемой Полной лубочной сказки, известной с 1790 г. К этому же источнику восходит самозапись сказки «Буа-королевич», сделанная В. К. Михайловым, жителем того же с. Нившера Корткеросского р-на, в 1963 г., хранится она в Национальном архиве Республики Коми [НАРК ФП].

Эти варианты представляют собой уникальный материал: две разновре-

³ Записи финского профессора Т. Уотилы, которые он сделал в годы Второй мировой войны от попавших в плен коми солдат, были подготовлены к печати П. Кокконен и опубликованы в Хельсинки. Первый из четырех томов был издан в 1985 г., четвертый — в 1995 г. Все тексты приводятся на коми языке в латинской транскрипции с переводом на немецкий язык.

⁴ Средневековый рыцарский роман о подвигах Бово д'Антонна возник в XIII в. во Франции. Через итальянские источники при посредстве южнославянской и белорусской версий в XVI в. он появился на Руси в виде рукописных повестей. В XVIII в. сказка о Бове перешла в лубок и стала одним из наиболее распространенных лубочных изданий в России. Об этом см.: [Кузьмина 1964, 68].

менные записи сказки «Буа-королевич» от двух исполнителей — И. М. Габова и В. К. Михайлова, — проживавших в одном и том же населенном пункте. Пауза между записями — 21 год (1942 и 1963). Оба текста довольно точно воспроизводят основную канву Полной лубочной сказки о Бове-королевиче. Сравнив их, можно заметить, что коми сказки очень похожи, практически нет разницы в передаче последовательности событий и даже некоторых сюжетных особенностей. Так, например, в обеих коми сказках имеется эпизод боя отца с сыновьями и узнавание их по именному кресту. Он не характерен для лубочных сказок о Бове-королевиче и заимствован из лубочной сказки о Еруслане Лазаревиче (правда, Еруслан Лазаревич борется с одним сыном, а в коми текстах, как и в лубочных произведениях, у Буа два сына, поэтому ему приходится бороться с двумя).

Можно предположить, что коми сказка о Буа-королевиче довольно активно функционировала в с. Нившера в рамках сельской локальной традиции. Как известно, «крестьянская община, будучи достаточно замкнутым образованием, имела свою надстройку, собственную “фольклорную” культуру» [Антонова 1984, 11]. Лубочная сказка о Бове-королевиче, привнесенная в село кем-то или в виде устного повествования, или же в виде печатного издания, стала источником для возникновения регионального подтипа коми волшебной сказки о Бове-королевиче.

Лубочная сказка о Еруслане Лазаревиче — еще одна популярная переводная повесть, которая также оказала большое влияние на коми сказочную традицию. Две из трех сказок записаны в Удорском р-не от В. С. Бажукова (1960) [Коровина 2009, 250—255] и И. И. Игушева (1978) [АА], одна — в Койгородском р-не от Ф. Е. Попова (1957) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 476—487].

Определение конкретных источников устных вариантов затруднено, так как мы располагаем очень поздними по времени записями. Однако в сказке Ф. Е. Попова имеется, например, эпизод отправки сына Еруслана Лазаревича — Еруслана Еруслановича с пись-

мом к другу отца — Росланею. В сказку В. С. Бажукова включен эпизод встречи Еруслана Еруслановича со старичком, который из-за плохого с ним обращения превращает сына Еруслана Лазаревича в маленького человечка. По свидетельству Л. Н. Пушкарева, проанализировавшего почти все имеющиеся лубочные издания о Еруслане, подобные эпизоды характерны для лубочных сказок в обработке Кассирова [Пушкарев 1980, 123].

По полноте изложения вариант Ф. Е. Попова можно отнести к числу наиболее сохранившихся. Он характеризуется довольно точным пересказом лубочной сказки. Без значительных изменений фигурируют и имена главных действующих лиц: сар Картаус (царь Картаус), Лазарь Лазаревич, Росланей, Анастасия Вахрамеевна — все эти имена точно передаются сказочником, а если некоторые из них и меняются, то связь с первоисточником легко может быть установлена: конь Орот Вещи (конь Орош Вещий), Ивашко Белый — Сорочинская Шапка (Ивашко Белая Епанча — Сорочинская Шапка), Поликарпья (Поликария).

В некоторых случаях текстуальная близость русского лубка и сказки Ф. Е. Попова прослеживается настолько четко, что остаются без изменения мельчайшие детали. Сравним характерный для сказки о Еруслане Лазаревиче эпизод встречи главного героя с говорящей головой богатыря Росланей:

Лубок

А когда минуло мне двадцать лет, то все росту моему дивились. Посмотри, вон там валяется мое туловище, и посуды сам о величии его: в нем десять сажен длины, в плечах две сажени, а рука в три сажени длины... [Лубочная книга 1990, 107].

Ф. Е. Попов

Посмотри, мне исполнилось двадцать лет, ростом я был в десять сажений, а руки были трехсаженные [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 480]⁵.

⁵ Здесь и далее все цитаты из речи информантов даются в переводе с коми автора статьи.

Не исключается возможность непосредственного усвоения текста из лубочных книг. К сожалению, собиратели фольклора не оставили никаких данных ни о личности сказочника, ни об источниках усвоения лубочных сюжетов (кроме сказки о Еруслане Лазаревиче от него была записана сказка о Бове-королевиче).

Анализ текстов показывает, что источником для всех коми сказок стала лубочная сказка о Еруслане, независимо от того, повлиял ли лубок на сказочника непосредственно или еще раньше он стал достоянием устной традиции и в опосредованном виде дошел до тех сказочников, от которых были записаны опубликованные материалы. Лубочная сказка о Еруслане Лазаревиче в процессе устного бытования настолько ассимилировалась, что получила все права настоящей коми народной сказки.

Наибольшие затруднения возникают при изучении группы сюжетов так называемого «вторичного» образования, литературность которых носит более скрытый характер. Показательной в этом отношении является сказка «Сар Бурмислав» (Царь Бурмислав), записанная Т. И. Жилиной в 1945 г. в с. Шошка Усть-Вымского р-на от А. Г. Козлова [Плесовский 1956, 76—82]. Особенность этого варианта состоит в том, что в тексте, который является пересказом широко известного сюжета «Царевна-лягушка», имеются сюжетные ситуации, нетрадиционные для сказок указанного типа. Так, мифологический в своей основе образ жены-лягушки заменен в нем «реалистическим» — жены-старухи, поэтому Ивану-царевичу уже не приходится сжигать шкуру лягушки, вместо этого он бросает в море кольцо жены, и она исчезает.

Сказочные варианты с подобным сюжетом довольно часто встречаются и в русских фольклорных сборниках. Между тем объяснить появление нетипичных сюжетных ситуаций в традиционной сказке многим из исследователей не удалось. К примеру, Д. К. Зеленин в комментариях к тексту «Иван-царевич и царевна-старушка» замечает: «Эта сказка о царевне-лягушке, которую

наш сказочник для чего-то (в целях реализма?) превратил в старушку» [Зеленин 1914, 533]. И только анализ лубочных редакций русских сказок на сюжет «Царевна-лягушка», проведенный К. Е. Кореповой, позволяет установить, что основой для большинства сказочных сюжетов, как русских, так и коми, послужило литературное произведение — краткая редакция «Сказки об Иване-царевиче и прекрасной супруге его Светлане», литературная обработка которой была сделана Ф. М. Исаевым в 1870 г. [Корепова 1980, 5]. О связи с книгой говорят и имена главных персонажей. Так, героиню коми сказки, как и в книге, зовут Светланой, а имя царя сказочник перевел с русского на коми язык. Царь Добромysl из лубочного издания стал в коми сказке Бурмиславом («бур» в переводе с коми «хороший, добрый»).

Довольно сильное влияние на коми устную традицию оказали и другие публикации, в частности, лубочные редакции сказки «Жар-птица». Ее сюжет оказался необычайно популярным среди писателей-лубочников. С 50-х гг. XIX в. по 1918 г. сказка выдержала более 150 изданий. Теперь же она предоставляет исследователям «благодатный материал для изучения судеб народной культуры» [Корепова 1999, 73—74].

В настоящее время зафиксировано пять устных вариантов коми сказки о жар-птице, три из них, безусловно, восходят к книге — различным лубочным изданиям. В сказке, записанной в Ижемском р-не от П. В. Сметанина [НА КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 525. Л. 171—175], только необычные имена героев лубочной сказки, которые хорошо запомнил исполнитель, позволяют определить источник — книгу В. Суворова «Сказка об Иване-царевиче и сером волке» (М., 1882 г.): царь Далма, Лапай; некоторые из имен он дает в другой огласовке — Крутик вместо Кругин, Рафиль вместо Рафлет, дочь царя Сгоранина вместо Якуты Горынишны.

Конкретный источник второй сказки, записанной в Удорском р-не от И. В. Жданова [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 64—68], обнаружить не удалось, но книжную основу выдают ее

сюжетные особенности. По сведениям К. Е. Кореповой, все лубочные переложения сказки о жар-птице по характеру разработки сюжета делятся на «одноходовые» и «двухходовые» [Корепова 1999, 90]. В «одноходовых» сказках сюжет (СУС 550) представлен, так сказать, в «чистом виде»: по заданию царя три брата едут за жар-птицей, воровавшей в царском саду яблоки; младший с помощью волка добывает ее, а также коня и царевну, братья отнимают добычу и убивают младшего; волк оживляет героя; обман раскрывается. В «двухходовых» — сюжет о жар-птице соединен с сюжетом «смерть Кашея». Именно такая контаминация, характерная для рассматриваемого удорского варианта, позволяет установить книжное происхождение коми сказки, хотя она удалена от первоисточника устной традицией.

Сказка о жар-птице была настолько популярной в народе, что некоторые писатели-лубочники стали включать ее отдельные мотивы и образы в самые различные сюжеты, возможно, и «в коммерческих интересах, как своего рода рекламу» [Корепова 1999, 96]. Одно из таких произведений, где среди второстепенных образов есть и жар-птица, создано В. Я. Шмитановским. Его книга «Жар-птица, живая и мертвая вода. Русская сказка в трех частях» (М., тип. С. Попова, 1858), написанная стихами, стала источником еще одной коми сказки, записанной в Удорском р-не от В. Е. Коскокова [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 249—256]. О связи с книгой позволяют говорить опять же необычные имена, упоминаемые в коми тексте: царь Гамат (в лубке — Гамарь), его сыновья — Ахмет, Магомет, Ибрагим. Хотя исполнитель пересказал не все сюжетные ситуации, имеющиеся в этой сложной по фабуле сказке, но, по-видимому, ему довелось читать эту книгу самому, так как при рассказывании сказки на коми языке он пытается цитировать некоторые строки стихов по-русски. Например: «*Старик лэбодчис Магомет вылӧ, тушанас вӧлі сажень кузя*» — «*Старик набросился на Магомета, роста он был саженного*», далее исполнитель добавляет: «*Сажень мерою собой, со склоченной головой*»; 93

«... а земляыс сэн эстиём» — «... а земля там такая», «где не сеют и не жнут, пирогов, где не пекут, а прямо из земли берут...» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 256]. Стихотворные переложения, обычно, оказывают меньшее воздействие на устную традицию, чем прозаические, или же вообще не оказывают. Поэтому сказка, воспроизведенная В. Е. Коскоковым, — довольно редко встречающееся явление не только в коми, но и в русском фольклоре в целом.

Текстологический анализ коми сказок о жар-птице показывает, что все они по-разному удалены от своего источника: одни представляют то, что сказочник сам читал (возможно, неоднократно) или же слышал в чтении других (сказки В. Е. Коскокова, П. В. Сметанина), другие — уже продукт устной традиции: от книжного текста их отделяет ряд таких же устных пересказов (сказка И. В. Жданова).

При фольклорном усвоении текст книжного произведения не остается неизменным, «сказочник перенимает не все, но то, что так или иначе близко и дорого ему, волнует его фантазию и впадает в душу» [Азадовский 1938, 29]. Удорский сказочник В. С. Бажуков, например, воспринял Еруслана Лазаревича как героя-богатыря, сражающегося за Русскую землю. Иноземное царство Картауса для сказочника является Святой Русью, а все богатыри царя Картауса, в том числе и Еруслан Лазаревич, — русскими богатырями: «Когда они вышли на чистое поле, все войско вышло вместе с ними, стали смотреть, как будут бороться русский богатырь и Полкан Полубес» [Коровина 2009, 252—253].

Другой удорский сказочник И. И. Игушев довольно точно пересказывает сюжет Полной лубочной сказки, но это не механическое воспроизведение книжного источника, а результат творчества современного сказочника, в варианте которого отчетливо проступают черты эпического стиля. Иноземный витязь Бова в сказке И. И. Игушева, как и у В. С. Бажукова, похож на русских богатырей. Работая конюхом у царя и обладая недюжинной силой, Бова без

особого труда ухаживает за лошадьми: «...выпустил лошадей на водопой, кожаной плеткой как начал их лупить — все в разные стороны разбежались. На другой лошади объехал да как крикнул, — все лошади вмиг прибежали сами в конюшню. Как огня боялись Бовы-королевича» [АА]. В былинном духе описывает сказочник и седлание богатырского коня: «Дайте, говорит, уздечку. Вшестером принесли уздечку. Накинул уздечку одной рукой. Давайте, говорит, седло. Двенадцать человек принесли седло. Одной рукой оседлал. Дайте, говорит, меч-саблю. Меч-саблю принесли» [АА]. Эпизации текста способны и часто встречающиеся в сказках И. И. Игушева тавтологические обороты. В этих глагольных парах в качестве второго элемента выступает обычно глагол, заимствованный из русского языка: следитны-видзодны (следить), дойдны-обидитны (обидеть), воис-явитчис (явился), бладейтны-кутны (владеть) и т. д.

Своеобразие сказки Игушева проявляется и в том, что в ней нашла отражение местная хозяйственно-бытовая специфика. Царица, притворившись больной, отправляет своего мужа Гвидона за свежим глухарем (в лубочной сказке — за вепрем). Черты крестьянского быта перенесены сказочником и на быт своих героев — королей и королевен. Дочь царя — Елена Прекрасная, пытаясь помочь Бове, уснувшему богатырским сном на три дня, сама вместо него ухаживает за лошадьми. Немало в сказке и элементов современной действительности. Бова путешествует не на корабле, а на пароходе. Царь дает телеграмму, чтобы Бову, захватившего пароход, привезли обратно. О существовании Еруслана Лазаревича Иван-русский богатырь узнает из газет. Варианты сказок И. И. Игушева являются примером переплетения элементов эпического и бытового стиля в творчестве современного сказочника-эпика.

Г. А. Ладанов, рассказывая сказку о Гуаке (=Бове), тщательно соблюдает сказочную обрядность, насыщая ее яркими бытовыми деталями. Особенностью данного варианта является то, что исполнитель последовательно сближает эпизоды из сказки

о Бове с общесказочными эпизодами, тем самым превращая рыцарскую сказку в волшебную-фантастическую.

В соответствии с лубочным сюжетом царь, прельстившись красотой Бовы и его умением играть на гусях, покупает его у корабельщиков. Г. А. Ладанов же дает свою, более оригинальную трактовку, используя эпизод из сказки «Чудесная дудка»: *«Гуак Гуакович начал играть на волосяном гудке, который сам себе сделал. Пришла служанка и с места двинуться не может, пляшет под музыку. Царь ждал-ждал и послал дочку. Дочка как услышала музыку, так и начала плясать, с места дальше двинуться не может. Дочка также не пришла с ответом. Царь рассердился и послал жену. Жена также там осталась, тоже начала плясать. Царь рассердился и сам поехал... А лошадь его, не дойдя до корабля, начала тоже плясать. Царь в санях, послы — все пляшут»* [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 259—260]. В сказку внесены несколько эпизодов из сказки «Конек-горбунок» (СУС 531) в своеобразной интерпретации исполнителя. Гуак, работая конюхом, пошел однажды за сеном и нашел перо жарптицы: *«Он взял его себе вместо огня. Положил в конюшине, и светло стало. И лошади стали сверкать, как перо жарптицы»* [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 262]. Остальные работники начали завидовать Гуаку и украли у него это перо: *«Как только украли, так у нового конюха кони стали худеть, потемнели»* [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 264]. Людмила-царевна соглашается стать женой Неверного короля только в том случае, если он сможет выполнить ее задание — пройдет по бревну, перекинутому через яму, в которой находится котел с кипящим молоком. Король падает в котел и погибает (ср. с эпизодом из сказки «Конек-горбунок», где царь, выполняя свадебное поручение царевны, купается в кипятке и погибает).

Чрезвычайно разнообразен в сказках Г. А. Ладанова бытовая колорит. Если в тексте фольклоризованной лубочной обработки Бова-королевич — мастер игры на русском национальном инструменте — гусях, то в рассматриваемой

сказке Гуак играет на национальном коми инструменте — сигудке (волосяном гудке), который сам себе смастерил: *«Когда спустился с дерева — увидел, что около дерева терлись лошади и оставили конский волос. Из него и сделал волосяной гудок. Сел на берегу моря и начал играть, чтобы свою печаль развеять»* [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 26].

Местность, где бытует сказка, накладывает на нее свой отпечаток. Об этом свидетельствуют эпизоды из сказки Г. А. Ладанова, где события и персонажи переносятся в хорошо знакомый сказочнику быт. Усыпив отца, Людмила-царевна с Гуаком убегают: *«Натянули полог на лесной поляне и поселились там. В лесу ловят дичь, в реке ловят рыбу, вот так и живут муж с женой»* [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 325. Л. 28]. Перед нами бытовая картина из жизни печорских крестьян.

Большинство коми сказочников при пересказе книжных сюжетов выдерживают традиционный сказочный стиль, тщательно сохраняют внешнюю обрядность, обращая внимание на употребление общих мест, традиционных оборотов. В соответствии с «формулой роста» Бова у удорского сказочника И. И. Игушева *«...быстро растет, из часу в час, изо дня в день»* [АА]. Особенно излюбленным для исполнителя является прием трехкратного повторения эпизодов. Если в лубочной сказке мать Бовы пытается отравить сына только один раз, то в устном варианте, как того требует сказочная обрядность, описаны три таких случая. Три раза Элегричия (=Мельчигрия) приходит к Бове в темницу, пытаясь прельстить его своей красотой. Этот же принцип ретардации ясно чувствуется в словесном оформлении сказки. Таковы, например, повторы из фразы в фразу: *«Прошло какое-то время. Родился у них сын. Сын родился у них, и назвали его Бовой. Бовой-королевичем стали его звать»* [АА].

Вместе с тем книжный стиль проникает и в коми тексты. Герои сказок научились делать поклоны «по-ученому», появились витязи, новые обращения типа «папаша», «мамаша» и т. д.: *«К Девичьему царю поднялись. Поклон*

сделали по-ученому» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 268. Л. 285]; «*Ну, добрый ви- тязь, пойдем ко мне в гости*» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 268. Л. 291]; «*“Ну, лю- безный друг, Иван, покорюсь я тебе, от- пусти ты меня на волю”*, — сказал конь» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 209. Л. 485].

Проведенный нами анализ коми сказок на лубочные сюжеты показывает, что в них прослеживается генетическое сходство с русскими вариантами в развитии действия, последовательности эпизодов, в типе героев, их характеристике. Вместе с тем в них наблюдается сокращение общего объема текста, выпадение отдельных эпизодов, их трансформация, модернизация. Намного упрощается система образов: многие имена переименовываются на понятный для сказочника лад (дед Элегрим вместо старика-пилигрима, Элегричия вместо Мельчигрии у Игушева); в сюжет включаются традиционные для волшебных сказок персонажи (Елена Прекрасная у Игушева и Людмила-царевна у Ладанова вместо Дружневны; Василиса Премудрая вместо Анастасии Вахрамеевны у Бажукова); некоторые персонажи совсем лишаются имен. Сказки вобрали в себя приметы местных географических условий, обычаев. По отдельным характерным деталям вырисовывается картина национального быта. Все эти изменения представляют «общезакономерный процесс при сказочно-фольклорном освоении книжного произведения» [Гацак 1979, 59].

Лубочные сюжеты не стоят одиноко среди других сказок, а тесно взаимодействуют с ними. Эпизоды, мотивы, имена персонажей из лубочных произведений можно встретить и в других коми текстах. Широко бытуют в коми сказочном эпосе имена героев лубочного произведения. Так, главного героя коми сказки на сюжет «Жар-птица» (СУС 550) зовут не Иваном-дураком, а Ерусланом Лазаревичем [Коровина 2009, 200], в коми сказке сюжетного типа «Звериное молоко» (СУС 315) имя отрицательного персонажа — Огневой Тшит Пламенной Копьер (ср. в лубке: Огневой Щит Пламенное Копье) [Коровина 2009, 81]. Лукопер и Полкан — герои сказки о Бове-королевиче, дейст-

вуют в сказке «Канин сар» (Царь Канин) на сюжет «Медный лоб» (СУС 502) [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 220. Л. 319—336].

Наиболее полное отражение сюжеты о Еруслане получили в коми сказках об Илье Муромце. Вопрос о взаимодействии повести о Еруслане и русского эпоса не раз поднимался в научной литературе. Так, еще О. Миллер высказал предположение, что эпизод испытания силы коня путем удара его по спине в одной из сказок об Илье Муромце, повторяющий эпизод иранской поэмы Шах-Наме, мог «перейти к нам через сказку об Уруслане Залазаровиче» [Миллер 1869, 183]. Анализируя украинскую сказку подобного типа, где также имелись эпизоды из сказки о Еруслане, В. Миллер отмечает, что данный пример подтверждает, «как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича» [Миллер 1897, 409].

В настоящее время мы располагаем целым рядом фактов, показывающих отражение сказаний о Еруслане и в коми сказках о богатырях русского эпоса. Так, в сказке З. М. Марковой «Илья Муромец» (Илья Муромец), записанной в с. Чернутьево Удорского р-на в 1947 г. [Коровина 2009, 261—266], имеется три эпизода, характерные для указанного лубочного произведения:

1. В начале богатырских подвигов Илья Муромец встречается со стариком-ноготком: старичок дунул на него, и Илья упал с коня (ср. в лубочной сказке: встреча сына Еруслана Лазаревича с таким же старичком).

2. Встреча Ильи Муромца с тремя девушками Бугригорьевками (в лубочной сказке — дочери Бугригора): богатырь расспрашивает их, есть ли на свете краше их, на что они отвечают, что краше их Настасья Вахрамеевна.

Подобный эпизод имеется еще в одной удорской сказке, записанной от И. В. Жданова. Хотя он передан кратко, генетическая связь с отмеченным эпизодом лубочной сказки очевидна: Илья Муромец во время поисков невесты встречается с девушкой, которая говорит ему, что краше ее Настасья Вахрамеевна [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 69].

Нигде, кроме сказки о Еруслане Лазаревиче, эти имена не встречаются. Можно предположить, что в коми тексты они вошли из лубочного произведения.

3. После получения силы от Святогора Илья Муромец кладет руку на хребет своему коню, хребет не выдерживает силу руки богатыря и ломается, поэтому ему приходится брать коня Святогора. [Коровина 2009, 263]. Именно в такой интерпретации встречается указанный эпизод еще в двух сказках, записанных на Мезени, см.: [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 20; НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 118].

В лубочной сказке этот эпизод выглядит по-другому. Путем наложения руки Еруслан Лазаревич выбирает себе коня для дальнейших богатырских подвигов: «Напился конь воды досыта и хотел было удалиться, как вдруг выскочил Еруслан Лазаревич из засады, мигом подбежал к коню и ударил его по крутой шее наотмашь кулаком. Силен был этот удар могучий, но Вихрь вынес его и пал только на одно колено. Не теряя времени, богатырь схватил коня за гриву косматую и сказал: “Ну, теперь не вырвешься, летун крылатый, добрый конь!”» [Лубочная книга 1990, 81].

Возможно, в коми сказках отразились особенности местной разработки сюжета, хотя генетическая связь с эпизодом из лубочной сказки в них, на наш взгляд, прослеживается. В сказке, записанной В. А. Сорвачевой в 1948 г. в д. Георгиево Удорского р-на от С. И. Палкина [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 117. Л. 324–326], эпизод выбора коня передан кратко, но связь с рассматриваемым книжным эпизодом совершенно очевидна. Различия касаются только места, где происходит выбор. В лубочной сказке Еруслан, не нашедший достойного помощника в конюшнях отца, отправляется к морю, к пастуху Ивашке. Подходящего коня он выбирает в табуне во время водопоя. В удорском варианте конь, принадлежащий отцу Ильи Муромца, находится уже 30 лет в темнице, за 12-ю замками: «*Отец дал ключ. Илья и пошел открывать замки. Один замок открыл, конь услышал голос Ильи, сам два-три замка сломал. Илья открыл все, конь и*

вышел. Он как ударит коня по гриве — конь и пал на колени...» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 117. Л. 324].

Имеющиеся в рассмотренных произведениях сюжетные совпадения свидетельствуют о несомненной близости двух фольклорных образов: Ильи Муромца и Еруслана, причем не только словесной, художественной, но и идейной. Популярность образа Еруслана как в русском, так и в коми сказочном эпосе была подготовлена длительным бытованием и широкой распространенностью сказок об этом иноземном рыцаре в лубке. Еруслан стал обобщающим фольклорным образом былинного богатыря.

Во время экспедиции в Удорский район неоднократно приходилось слышать, что ребенку давали имя Еруслан, чтобы он рос таким же здоровым и сильным как Еруслан Лазаревич.

Проведенный в данной работе анализ текстов свидетельствует о том, что взаимодействие устной традиции и книги — важная для коми фольклористики научная проблема, закономерно возникающая при изучении источников, повлиявших на формирование сюжетного состава коми сказки. Само количество текстов, генетически связанных с печатными изданиями, показывает, что обращение коми сказителей к книге отвечало определенным потребностям аудитории, а также и самих исполнителей.

Русская лубочная сказка органично вошла в коми устную фольклорную традицию. Широкому распространению лубочных изданий способствовали давние русско-коми культурные связи. Такой обмен духовными ценностями, большую роль в котором сыграла русская книга, привел к обогащению коми национального фонда новыми сюжетными типами и версиями сказочных сюжетов. Вместе с тем работу по критической проверке коми сказочных текстов необходимо продолжить для того, чтобы не впасть в заблуждение, считая некоторые сюжетные ситуации и образы, не типичные для общесказочной традиции, проявлением творческой индивидуальности исполнителя или даже показателем национального своеобразия.

Литература

Азадовский 1932 — *Азадовский М. К.* Сказительство и книга // Язык и литература. Пг., 1932. Т. 8. С. 5—28.

Азадовский 1938 — *Азадовский М. К.* Русские сказочники // Литература и фольклор. 1938. С. 196—272.

Андреев 1921 — *Андреев Н. А.* Исчезающая литература // Казанский библиофил. Казань, 1921. № 2. С. 3—14.

Антонова 1984 — *Антонова В. Е.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии: Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.

Гацак 1979 — *Гацак В. М.* Молдавско-руско-украинские интерференции в сказке // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М., 1979. С. 47—65.

Дедушкины прогулки 1815 — Дедушкины прогулки. СПб., 1815.

Жеребцов 1982 — Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.

Засодимский 1999 — *Засодимский П. В.* Лесное царство // В дебрях Севера. Сыктывкар, 1999. С. 99—172.

Зеленин 1914 — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина // Зап. РГО. Петроград, 1914. Т. 41.

Зуева 1982 — *Зуева Т. В.* Рождение сказки (№ 706. «Безручка») // Фольклор и литература: Проблемы их творческих взаимоотношений. М., 1982. С. 43—65.

Зуева 1993 — *Зуева Т. В.* Волшебная сказка. М., 1993.

Корепова 1980 — *Корепова К. Е.* Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции: Межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т. Горький, 1980. С. 97—112.

Корепова 1991 — *Корепова К. Е.* Лубок и устная сказочная традиция: Проблемы текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. Т. 26. Л., 1991. С. 93—105.

Корепова 1999 — *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Н. Новгород, 1999.

Коровина 2009 — Коми мойдьяс (Сказки народа коми) / сост. Н. С. Коровина. Сыктывкар, 2009.

Костюхин 1994 — *Костюхин Е. А.* Литература и судьбы фольклора // Живая старина. 1994. № 2. С. 5—7.

Кузьмина 1964 — *Кузьмина В. Д.* Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр златых ключей. М., 1964.

Лубочная книга 1990 — Сказка о сильном и славном витязе Еруслане Лазаревиче, о его храбрости и о невообразимой красоте

супруги его Анастасии Вахрамеевны (в обработке И. Кассирова) // Лубочная книга. М., 1990. С. 71—126.

Мацук 1993 — *Мацук М. А.* Коми край от Бориса Годунова до Петра I. Сыктывкар, 1993.

Миллер 1897 — *Миллер В.* Илья Муромец и Еруслан Лазаревич // Очерки русской народной словесности. М., 1897. Т. 1. С. 404—409.

Миллер 1869 — *Миллер О.* Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.

Плесовский 1956 — Коми мойдьяс, сыланкывьяс да пословицаяс (Коми сказки, песни и пословицы) / сост. Ф. В. Плесовский. Сыктывкар, 1956.

Плесовский 1958 — *Плесовский Ф. В.* О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 129—143.

Пушкарев 1980 — Пушкарев Л. Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. М., 1980.

Рошевская, Ярошенко 1991 — *Рошевская Л. П., Ярошенко М. А.* Издания И. Д. Сытина в Коми крае // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 77—83.

Uotila 1995 — Uotila T. Syrjaniche texte. Helsinki, 1995. Band IV.

Сокращения

АА — Личный архив автора

НА КНЦ — Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук

НАРК — Национальный архив Республики Коми

НАРК ФП — Национальный архив Республики Коми. Фонд Ф. В. Плесовского.

ОР ИРЛИ РАН — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1976.

Summary. *The main purpose of this article is the definition of the role of Russian folk book, the primitivistic in particular, in the foundation of the plot of komi folk fairy tales. On the basis of the textual analysis the book dependent texts were extracted and the character and the degree of this dependency were defined.*

Key words: *primitivistic style literature, primitivistic fairy tale, komi folk fairy tale, textual criticism, spoken folklore tradition, bookish tradition.*